

способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства однако рисуясь им перед всеми и перед самим собою. Это... душа... одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего — болезненно злая... очень искажённая душа... Достоевский — сам великий мучитель и человек больной совести — любил писать именно эту тёмную, спутанную, противную душу. Деятельность Достоевского-художника является гениальным обобщением отрицательных признаков и свойств национального русского характера”.

Прошло не менее тридцати лет, прежде чем я сумел представить своим ученикам прямо противоположное суждение о Достоевском, высказанное более чем сто лет тому назад, но ставшее доступным не ранее 1995 года: “Достоевский... в некоторые минуты ближе нам, чем те, с кем мы живём и кого любим, — ближе, чем родные и друзья. Он — товарищ в болезни, сообщник не только в добре, но и во зле, а ничто так не сближает, как общие недостатки. Он знает самые сокровенные наши мысли, самые преступные желания нашего сердца. Нередко, когда читаешь его, чувствуешь страх от его всезнания, от этого глубокого проникновения в чужую совесть. У него встречаются тайные мысли, которых не решился бы высказать не только другу, но и самому себе... Книг Достоевского нельзя читать: их надо пережить, выстрадать, чтобы понять. И потом они уже не забываются... В обыкновенных мелочах жизни открываются такие глубины, такие тайны, которых мы никогда не подозревали” (*Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 453, 455*).

Кто прав: Горький или Мережковский? Думается, нам не стоит выступать арбитрами в этом споре — имея свою определённую точку зрения, мы должны помочь ученикам в этом сложнейшем вопросе обрести разномыслие или даже инакомыслие, благополучно минуя литературоведческие рифы с помощью компаса-текста. И здесь они вольны идти за тем, кто, по их мнению, точнее трактует произведение, его идеи и образы. Подкинем им материала ещё — вот пять трактовок, противоположных горьковской:

- “...он был самый дорогой, близкий, нужный мне человек” (*Л.Н. Толстой*).
- “Если вы спросите, кто вызывает сейчас во мне наибольший интерес, то я отвечу: Достоевский!.. Достоевский даёт мне больше, чем любой научный мыслитель...” (*А.Эйнштейн*).
- “Достоевский, как гениальный шахматист, видит интуитивно на 24 хода вперёд... однако затем начинается изумительное художественное мышление Достоевского, когда он тщательно обдумывает, рассчитывает с полной ответственностью каждый из этих 24 ходов” (*Л.М. Леонов*).
- “Достоевский — отгадчик будущего...” (*Ю.В. Трифонов*).
- “Главное его открытие — человек. Его романы — экологическое предупреждение челове-

ству: «Внимание, на тебя идёт человек подполья!» В сырости подполья человека грызёт лихорадка болезненной мечты. Исчезает самоирония, и ничто не мешает человеку подполья считать себя Наполеоном, которого заела среда. Количество унижений переходит в чудовищное качество самолюбия. Дай ему только вырваться, и он так отомстит за все свои унижения, как ещё никто не мстил. Энергия самоутверждения распадающейся души, цепная реакция скандалов, предвестье атомной энергии. На этой энергии и держатся романы Достоевского” (*Ф.А. Искандер*).

Для чего изучать Достоевского?

“Что... мы находим в «Преступлении и наказании»?.. Ни одного проблеска, будто всё происходит в грязной луже. Хотела бы знать, какую пользу данное произведение принесёт нам. Ну что мы, убивать кого-нибудь, грабить собираемся?! Зачем нам до тонкостей знать всё, что происходит в голове у Раскольникова?” — спрашивала в своём письме в «Комсомольскую правду» в 1974 году девятиклассница Таня из Темир-Тау.

Тридцать лет спустя, в год трагедии Беслана, в журнале «Континент» (№ 122 за 2004 год) появилась статья Л.С. Айзермана «“Преступление и наказание” после преступления», в которой были поразившие меня строки: “И русские народники, и эсеры, и большевики эпохи красного террора, и баскские сепаратисты, и ольстерские ультра, и немецкие террористы, и террористы палестинские, и террористы чеченские всегда выступали и выступают под знамёнами высоких и святых идей — за национальную независимость, за свободу народа, за его счастье, за справедливость...” и вместе с тем “очень много среди них и тех, для кого кровавое дело — способ раскрыть и утвердить собственное «я»” (с. 154).

Нет, меня поразило не только то, что Айзерман свёл воедино существовавшее в моём сознании “на разных полочках”. Просто нечто подобное я уже читал в сочинении своего ученика, написанном ещё не только до Беслана, но и до «Норд-оста»: “...Сон Раскольникова, казавшийся в XIX веке абсурдом, в настоящее время стал явью: казавшиеся фантастикой слова об армии, в которой воины, не дойдя до цели, убивают друг друга, можно прочитать в любой нынешней газете. Только теперь солдаты воюют друг с другом. Не выходя из казармы. Слова про объединение целых народов во имя одной сумасшедшей идеи нынче также актуальны. В любом учебнике истории можно прочитать про то, как целые страны подчиняются сумасшедшим, нечеловеческим идеям, ради которых уничтожались целые слои общества и даже нации: так, Гитлер пытался уничтожить всех евреев, а чтобы осуществить идею коммунизма, истребили многих умнейших людей России... мнимые «право имеющие» не дают прохода истинным гениям, превращая их в «тварей дрожащих»... Теория